

К ИЗУЧЕНИЮ ОПРИЧНИНЫ ИВАНА ГРОЗНОГО

С. М. КАШТАНОВ

Вопрос об опричнине как важном переломном периоде в истории России давно привлек к себе внимание исследователей. В разработке этой проблемы советская историография достигла известных успехов. Тем не менее, целый ряд существенных сторон истории опричнины до сих пор остается мало выясненным и составляет предмет весьма бурных споров. Среди советских исследований об опричнине различаются работы сводного характера, дающие общую концепцию опричнины (книги Р. Ю. Виппера, И. И. Смирнова, С. В. Бахрушина, статьи С. Б. Веселовского, С. М. Дубровского, В. Н. Шевякова¹) и труды, посвященные частным вопросам: феодальному землевладению периода

¹ Р. Виппер. Иван Грозный, Изд. «Дельфин», 1922; изд. 2, Ташкент, 1942; изд. 3. Изд. АН СССР, 1944; И. И. Смирнов. Иван Грозный, Л., 1944; С. В. Бахрушин. Иван Грозный, Госполитиздат, 1945; С. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году. «Вопросы истории», 1946, № 1; С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV. «Вопросы истории», 1956, № 8; В. Н. Шевяков. К вопросу об опричнине при Иване IV. «Вопросы истории», 1956, № 9.

опричнины (статьи М. Н. Тихомирова и С. Б. Веселовского²), территории опричнины, социальному и личному составу опричников (работы Г. Н. Бибикова, С. Б. Веселовского, Д. А. Сачковой, В. Б. Кобриной, Р. Г. Скрынникова³), составу боярской думы и приказам в годы опричнины (статьи А. А. Зимины⁴), Ливонской войне (книга В. Д. Королюка⁵), полемике Ивана Грозного с Курбским и др. (работы Я. С. Лурье⁶). Особняком стоит большая монография П. А. Садикова, в которой в виде очерков по истории опричнины на большом архивном материале изучается строительство государственного аппарата в период опричнины и уточняются даты включения в опричнину некоторых территорий; раздел о монастырях в опричнине характеризует подведомственность монастырей, попавших в опричнину, органам финансового управления, т. е. целиком прымкает к основной, госучрежденческой тематике монографии Садикова⁷. В настоящее время подготовлена к печати книга А. А. Зимины «Опричнина Ивана Грозного»⁸.

Обзор частных исследований об опричнине показывает неизученность самого главного в ней: крестьянского вопроса, проблемы города, истории хозяйственного разорения в связи с опричниной. Правда, в работах общего характера ставится проблема разорения и уделяется внимание положению крестьян в годы опричнины, хотя исследование этих вопросов не произведено, указаны лишь отдельные, наиболее яркие примеры, степень типичности которых совсем не ясна. Из обобщающих трудов только книги И. И. Смирнова и С. В. Бахрушина касаются названных сюжетов. Р. Ю. Виппер видел в опричнине военную реформу, проведенную в интересах дворянства и имевшую своим содержанием борьбу с боярской изменой⁹. С. Б. Веселовский также крайне сужал значение опричнины, отрицая наличие у нее определенной политической направленности и объясняя ее возникновение необходимостью лучшей организации дворцового хозяйства¹⁰. Новым словом в оценке опричнины были концепции И. И. Смирнова и С. В. Бахрушина. И. И. Смирнов выдвинул мысль о том, что опричнина явилась формой

² М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. «Исторические записки», т. 3: С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. «Исторические записки», т. 10; Его же. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М., 1947.

³ Г. Н. Бибиков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. «Тр. Гос. исторического музея», вып. XIV, М., 1941; С. Б. Веселовский. Список опричников (неопубликованная рукопись), Архив Академии наук, ф. С. Б. Веселовского; Д. А. Сачкова. Источники по территориальному и социальному составу опричнины, М., 1955 (рукопись дипломной работы, Моск. гос. ист.-арх. ин-т); В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. «Археографический ежегодник за 1959 год», М., 1960, стр. 16—91; см. также С. С. Печуро. Земские служилые люди в годы опричнины (к постановке вопроса). «Тр. МГИАИ», т. 16, М., 1961; Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. «Исторические записки», т. 70, стр. 223—250.

⁴ А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. «Док. и сообщ. Ин-та истории АН СССР», вып. 3, М., 1954, стр. 164—176; Его же. Состав боярской думы в XV—XVI веках. «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 72—87.

⁵ В. Д. Королюк. Ливонская война, Изд. АН СССР, 1955.

⁶ «Послания Ивана Грозного», подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, пер. и comment. Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.

⁷ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, М.—Л., 1950. В «Очерках истории СССР. Период феодализма, конец XV в.—начало XVII в.» (М., 1955) в основе статьи об опричнине лежит текст, подготовленный П. А. Садиковым.

⁸ Некоторые ее разделы опубликованы: А. А. Зимин. Преобразование центрально-го государственного аппарата в годы опричнины. «Исторические науки», 1961, № 4, стр. 117—133; Его же. Земский собор 1566 г. «Исторические записки», т. 71; Его же. Земельная политика в годы опричнины. «Вопросы истории», 1962, № 12; Его же. «Хозяйственный кризис» 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. V, М., 1962.

⁹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, изд. 3, стр. 65, 92, 103.

¹⁰ С. Б. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г., стр. 90.

усиления крепостного права. «Политика опричнины по отношению к крестьянству характеризуется разгромом крестьянского хозяйства и экспроприацией значительной части крестьянских земель в пользу феодалов», — писал И. И. Смирнов. Эту идею поддержал С. В. Бахрушин, который справедливо связал хозяйственное разорение периода опричнины с усилением феодальной эксплуатации вообще¹¹, хотя и не отметил специально роста барской запашки.

Вместе с тем И. И. Смирнов и С. В. Бахрушин, ограничившись единичными иллюстрациями, не показали динамики классовой политики опричнины, мало внимания уделили объективным социально-экономическим предпосылкам, вызвавшим необходимость опричнины и позволившим проводить ее в условиях Ливонской войны и хозяйственных неурядиц. Слабой стороной книг И. И. Смирнова и С. В. Бахрушина, помимо их недостаточной конкретности, является слишком схематичное определение опричнины как дворянской реформы, направленной на окончательный разгром боярства, ликвидацию боярского землевладения и замену вотчин поместьями¹².

В статье С. М. Дубровского правильно поднимается вопрос об известной идеализации деятельности Ивана Грозного в советской исторической литературе¹³. Однако статья самого С. М. Дубровского, в которой, кстати, совершенно необоснованно ставится знак полного тождества между концепциями Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова, не раскрывает сколько-нибудь конкретно те или иные стороны внутренней политики XVI в. и поэтому носит главным образом негативный, а не позитивный характер. Выступивший вслед за С. М. Дубровским В. Н. Шевяков вернулся почти целиком к карамзинско-сухотинской оценке опричнины, характеризуя ее на основании уже давно известных летописных высказываний, сочинений русских полемистов и главным образом записок иностранцев как время сплошного бессмысленного уничтожения представителей всех классов русского общества XVI в.—бояр, купцов, крестьян, ремесленников, холопов¹⁴.

С. М. Дубровский правильно отметил, что внутренняя история России XVI в. нуждается во всестороннем исследовании. Вместе с тем, объяснение таких противоречивых явлений как опричнина только злой волей Ивана IV кажется мало убедительным. Это — оборотная сторона чрезмерного преувеличения роли Ивана Грозного, явный недоучет объективных экономических процессов, на фоне которых развертывалась деятельность царя Ивана и его опричников¹⁵. Недостатки такого подхода к теме и необходимость ее всестороннего изучения подчеркнул в последнее время С. О. Шмидт¹⁶.

В истории опричнины особенно поражали воображение современников и историков казни опальных, карательная экспедиция в Новгород и т. п. Все эти явления требуют тщательного исследования, но, ограничиваясь только ими, мы вряд ли поймем основные процессы русской жизни XVI в. и связь опричнины с экономическими и политическими условиями ее времени. Вопрос о причинах создания опричнины, очевид-

¹¹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 97; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 81, 85.

¹² И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 89—93; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 64—69.

¹³ С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV, стр. 121—129.

¹⁴ В. Н. Шевяков. К вопросу об опричнине при Иване IV, стр. 71—77, особ. стр. 75.

¹⁵ В рецензии Гр. Александрова на вторую серию кинофильма «Иван Грозный» справедливо отмечено, что деятельность Ивана IV в кинофильме показана в отрыве «от наиболее важных проблем эпохи Грозного» (Гр. Александров. «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна. «Советская культура», 30 августа 1958 г.).

¹⁶ С. О. Шмидт. Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе. «Советская историческая наука на XX к XXII съезду КПСС», М., 1962, стр. 94—96, 124—126.

но, еще долго будет обсуждаться в исторической литературе. Исследование этой проблемы приблизится к завершению лишь после обстоятельного выяснения экономического развития России во второй половине XVI в. и ее места в системе мирового хозяйства XVI в.

Широкое привлечение огромного актового и делопроизводственного материала открывает перспективы изучения сложных внутренних связей между экономическими процессами, протекавшими в России в XVI в., классовой борьбой, политикой опричнины и Ливонской войной. На путь анализа грамот периода опричнины твердо встал П. А. Садиков, который использовал их главным образом для исследования истории государственных учреждений в XVI в.

В настоящей статье актовые и делопроизводственные источники изучаются с целью выяснения классовой феодально-крепостнической и внутриклассовой направленности политических мероприятий, носящих название опричнины, в конкретных экономических условиях второй половины XVI в. Поэтому в центре нашего внимания документы, в наибольшей степени отражающие синтез экономики и политики,—иммунитетные грамоты (жалованные и указные). Экономическая и внеэкономическая власть феодалов, обусловленная феодальной собственностью на землю, предстает из иммунитетных грамот не в абстрактном виде, а в тесной связи с политикой правительства в определенных районах государства.

В советской исторической литературе на основе изучения писцового и актового материала наметился в общих чертах тот путь, по которому следует идти в поисках ответа на вопрос о причинах возникновения опричнины. Наиболее ясно эту тенденцию выразили И. И. Смирнов и Л. В. Черепнин, обратившие особое внимание на усиление крепостного гнета в период опричнины¹⁷. Однако из-за крайней отрывочности источников для изучения данной темы она до сих пор остается неразработанной. Исследователи, специально занимавшиеся положением крестьян во второй половине XVI в., вынуждены были отказаться от попыток вскрыть динамику крепостнического процесса во время опричнины и сосредотачивали свое внимание на 80—90-х годах XVI в. Помимо дальнейшего коллекционирования прямых свидетельств о закрепощении крестьян, необходимо больше внимания уделить исследованию косвенных данных (актовых формул, материалов писцовых переписей и др.) и систематическому анализу позднейших источников методом исторической ретроспекции. Не имея возможности выполнить эту работу в ее полном объеме, мы ограничимся здесь теми новыми наблюдениями, которые основаны на изучении отдельных особенностей формуляра иммунитетных актов. Плодотворность терминологического анализа жалованных грамот для разработки проблемы закрепощения крестьян была продемонстрирована Л. В. Черепнином, изучавшим развитие крестьянской крепости в XV в.¹⁸. Применительно к XVI в. подобные исследования пока лишь намечаются.

Вместе с тем первостепенное значение терминологического анализа такого массового источника как жалованные грамоты не вызывает сомнений, ибо прямых данных о ходе закрепостительного процесса у нас

¹⁷ И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 62—68; Его же. Восстание Болотникова 1606—1607. Госполитиздат, 1951, стр. 44; Л. В. Черепнин. Рецензия на книгу П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины» (М.—Л., 1950). «Изв. АН СССР», серия истории и философии, М., 1951, т. 8, № 1, стр. 93—95; «Памятники русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 14—16.

¹⁸ Л. В. Черепнин. Из истории русского крестьянства XV в. «Док. и сообщ. Ин-та истории АН СССР», вып. 3, М., 1954, стр. 111—124; Его же. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. (из истории производительных сил и производственных отношений). «Проблемы источниковедения», IV, М., 1955, стр. 307—349.

слишком мало, чтобы вскрыть порайонную специфику этого явления. Приводить прямые данные в качестве ярких иллюстраций, безусловно, необходимо, но такой иллюстративный метод не объяснит неравномерность экономического развития страны и связанную с ней неравномерность в ходе закрепощения крестьян. Жалованные грамоты особенно ценные тем, что охватывают все части страны и позволяют наметить не только общее, но и различия в развитии разных районов, а знание именно этих различий и необходимо для диалектического понимания причины, строившейся на принципе раздела территории государства. Однако автор вполне сознает, что его выводы, полученные путем анализа изолированного вида источников, могут иметь значение лишь рабочей гипотезы. Дальнейшее изучение послушных, сотных и других грамот покажет степень основательности этих выводов.

* * *

Как уже подчеркивалось нами, в середине XVI в. произошли важные изменения в первой формуле жалованных грамот, определявшей социальное лицо населения феодальных владений («хто у них учнет жити...»): термин «люди» стал вытесняться из этой формулы словом «крестьяне» («хрестьяне») или выражением «люди и крестьяне», «слуги и крестьяне»¹⁹. Было показано также, что эта перемена отражала дальнейшее усиление крестьянской «крепости земле», т. е. закрепощения²⁰. Систематический просмотр актов дает возможность проследить постепенное распространение новой статьи с 20-х годов XVI в., когда она появилась впервые, до начала опричнины. Наиболее ранние из известных нам случаев определения людей, которые «учнут жити», формулой «люди и крестьяне» (вместо «люди») относятся к 1522—1524 гг. и касаются уездов Сузdalского, Нижегородского, Дмитровского и Звенигородского²¹. Это вполне соответствует нашим представлениям о неравномерном развитии крепостнического процесса, протекавшего с разной степенью интенсивности в разных областях страны. Территории, концентрировавшиеся вокруг Москвы (Дмитров, Звенигород) и в районе «ополья» (Сузdalский уезд, часть Нижегородского уезда), в силу исторически сложившихся здесь экономических условий раньше ряда других земель узнали крепостнические отношения. Неудивительно, что именно с них началось в XVI в. дальнейшее усиление крепостного права. С конца 30-х годов XVI в. включение в жалованные грамоты формулы «люди и крестьяне» приобрело значительный размах. В 1538—1565 гг. эта формула попала в жалованные грамоты, касавшиеся главным образом уездов, расположенных к востоку от Москвы. Помимо территории Московского уезда²², грамоты посвящались землям уездов Сузdalского²³, Переяславль-Залесского²⁴, Влади-

¹⁹ «Памятники русского права», вып. IV, стр. 143.

²⁰ Там же, стр. 143—144; см. также С. М. Каштанов. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. «История СССР», 1959, № 5, стр. 141, 147. Против такого толкования возражает Н. Е. Носов (Н. Е. Носов. «Новое» направление в актосмисточниковедении. «Проблемы источниковедения», т. X, 1962, стр. 338—346), хотя и не по существу, ибо систематическому рассмотрению истории первой статьи жалованных грамот он противопоставляет случайные цитаты из разных статей разновременных источников.

²¹ ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьев м-ря, кн. I, л. 416; «Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее — АФЗиХ), ч. I, М., 1952, № 92; там же, № 106, 109, 110.

²² Отдел рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. Троице-Сергиевой лавры (далее — Тр.), кн. 527, № 281, 309; кн. 519, № 97, лл. 157—159об.; Отдел рукописей Гос. историч. музея (далее — ГИМ), ф. Симонова м-ря (далее — Сим.), кн. 58, лл. 181—183об., 250—253об.; «Описание актов собрания графа А. С. Уварова», М., 1905 (далее — «Описание актов Уварова»), № 1/32; АФЗиХ, ч. II, М., 1956, № 232, 302.

²³ ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьев м-ря, кн. I, лл. 417—419об., 420—422об.; «Описание актов Уварова», № 1/32. «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов», вып. 3, ч. 1, под ред. А. К. Кабанова. «Действия Нижегородск. губ. уч. арх. комиссии», сб. XIV, Н.-Новгород, 1913, стр. 14—15.

²⁴ «Описание актов Уварова», № 1/25; «Исторические акты Ярославского Спасско-

мирского²⁵, Дмитровского²⁶, Юрьев-Польского²⁷, Ростовского²⁸, Костромского²⁹, Стародубского³⁰, Муромского³¹, Нижегородского³². Формула «люди и крестьяне» или просто «крестьяне» в исследуемом контексте первой статьи иммунитетной части жалованных грамот широко встречается также в актах 1538—1555 гг., выданных на земли в северных уездах — Вологодском³³, Белозерском³⁴, Тотемском³⁵, Устюжском³⁶, Ярославском³⁷, Кашинском³⁸, Бежецком³⁹, Двинском⁴⁰, Новгородском⁴¹. В грамоты, относившиеся к западным и южным районам государства, новая формула проникла в 30—50-х годах XVI в. в довольно редких случаях. Если не считать тех актов, оперирующих выражением «люди и крестьяне», где западные уезды названы наряду с восточными⁴², то можно привести лишь единичные примеры помещение формулы «люди и крестьяне» в грамотах на территории, расположенные к западу и югу от Москвы⁴³.

Таким образом, включение в жалованные грамоты новой закрепостительной формулы отражает ход весьма сложного и разновременного

кого м-ря, изданные И. А. Вахрамеевым» (далее — Вахрамеев), т. 1, М., 1896, № XXVII; В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславль-Залесском, Сергиев Посад, 1908. Прилож., стр. 28—29, № 12; ЦГАДА, ф. Грамот Коллегии экономии (далее — ГКЭ) по Переяславлю-Залесскому, № 221/8945; ГБЛ, Тр. кн. 527, № 310; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.

²⁵ ЦГАДА, ГКЭ по Владимиру, № 17/1794, 30/1807, 31/1808; ф. Спасо-Евфимьевы м-ря, кн. 1, лл. 420—422; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.; «Описание актов Уварова», № 1/32; АФЗиХ, ч. II, № 302.

²⁶ ГБЛ, Тр., кн. 527, № 281, 310; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183 об.; АФЗиХ, ч. II, № 302.

²⁷ Отдел рукописей Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ). Собр. актов и грамот, № 120; «Описание актов Уварова», № 1/32.

²⁸ ГБЛ, Тр., кн. 527, № 304, 309.

²⁹ ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.; ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьевы м-ря, кн. 1, лл. 417—419об., 420—422об.

³⁰ ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьевы м-ря, кн. 1, лл. 420—422об.

³¹ ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 6/7738, 9/7741.

³² «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов», вып. 3, ч. 1, под ред. А. К. Кабанова. «Действия Нижегородск. губ. уч. арх. комиссии», сб. XIV, стр. 14—15, № 10; ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьевы м-ря, кн. 1, лл. 420—422об.; ГКЭ по Нижнему Новгороду, № 13/7954.

³³ ГПБ, Собр. актов и грамот, № 90; Амвросий. История российской иерархии, ч. III, М., 1811, стр. 283—286, 286—295, 714—723; ч. IV, М., 1812, стр. 706—711; «Летопись занятий Археогр. комиссии», 1864, вып. III, СПб., 1865, Материалы, стр. 23—24.

³⁴ Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 706—711, № II; ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.

³⁵ Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

³⁶ Н. Румовский. Описание Велико-Устюжского Успенского собора, Вологда, 1862, стр. 67—70; В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского м-ря, ч. 1, Вел. Устюг, 1912, стр. 56—57.

³⁷ «Сборник Муханова», изд. 2, М., 1866, стр. 568—569, № 280; Вахрамеев, т. 1, № XV, XX.

³⁸ ЦГАДА, ф. Калязина м-ря, кн. 4, № 106, 160.

³⁹ ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.; ЦГАДА, ГКЭ по Бежецку, № 123/1227; ГБЛ, Тр., кн. 519, № 36, лл. 39—40.

⁴⁰ «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, Пг., 1922, № 137а; т. II, Л., 1929, № 118а.

⁴¹ ГБЛ, Акты Беляева, № 1/87.

⁴² В общей жалованной грамоте 1543 г. Симонову монастырю, кроме Владимирского, Переяславль-Залесского и других восточных уездов, перечислены западные уезды — Рузский, Ржевский, Вышегородский, а из южных уездов назван Коломенский (ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 181—183об.). В грамоте 1551 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю фигурируют уезды Московский, Рузский, Волоцкий, Михулинский, Клинский (АФЗиХ, ч. II, № 232).

⁴³ Так, находим ее в грамоте 1539 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю, посвященной селу Фаустовой Горе Зубцовского уезда (АФЗиХ, ч. II, № 149); в грамоте 1544 г., касающейся земель Старицкого уезда («Исторический архив», т. II, 1939, стр. 51—59) и в грамоте 1551 г. на владения в Новгород-Северском и Путивльском уездах (ГБЛ, Румянц., кн. 52, лл. 71—73; «Черниговск. епарх. изв.», 1861 гг. Прибавл. к № 5).

для разных земель процесса. Наблюдаемое по актам усиление крепостнических отношений, распространяясь из области Суздаля и Пере-славля-Залесского на более широкий круг земель к востоку и северо-востоку от Москвы, встречалось на севере с другой волной интенсивного закрепощения, затронувшей уезды Вологодский, Устюжский, Ярославский, Бежецкий, Двинский, т. е. тот район, где свобода крестьянских переходов стала ограничиваться неделей до и после Юрьева дня осеннего только с середины XV в.⁴⁴, в отличие от восточного замосковья, уже в начале XV в. имевшего категорию крестьян-«старожильцев», относительно «крепких земле». Процесс роста крепостничества, прослеживаемый в восточных и северных уездах в конце 30—50-х годах XVI в., в западных и южных уездах протекал в это время, вероятно, с меньшей силой.

Первая половина 60-х годов XVI в.—период, непосредственно предшествующий опричнине,—характеризуется дальнейшим увеличением числа земель, грамоты на которые начинают оперировать выражением «люди и крестьяне». Указанное увеличение шло теперь уже за счет охвата близких к Москве западных и южных территорий. Новой формулой воспользовались составители ряда жалованных грамот: 1560 г. на вотчины в Старицком уезде, 1562 г. на земли Вышегородского уезда, 1562 г. на коломенские земли, 1564 г. на владения в Калужском уезде, 1566 г. на владения в Тульском уезде⁴⁵. В грамоте 1563 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю впервые население всей вотчины этого монастыря подводилось под рубрику «люди и крестьяне». Грамота касалась уездов Московского, Дмитровского, Владимира, Тверского, Микулинского, Волоцкого, Ржевского, Зубцовского, Рузского и Клинского⁴⁶. Между прочим, документация Иосифо-Волоколамского монастыря подтверждает правильность трактовки выражения «люди и крестьяне» как формулы, отражающей дальнейшее закрепощение крестьян. Дело в том, что об усилении внеэкономического принуждения в вотчинах этой корпорации свидетельствует наряду с новой формулой в грамоте 1563 г. гораздо более конкретный источник — книга ключей, записи в которой велись с 1547 г. до 1561 г.⁴⁷. Анализ книги показывает постепенное расширение аппарата вотчинного управления в монастырских селах и неуклонный рост административных поборов с крестьян⁴⁸.

Таким образом, наш терминологический анализ подкрепляется здесь более прямыми свидетельствами источников.

В 60-х годах XVI в. формула «люди и крестьяне» стала попадать также в грамоты, относившиеся к крайней восточной окраине. В 1565 г.

⁴⁴ «Памятники русского права», вып. III, М., 1955, стр. 93—94; «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси», т. I, М., 1952, № 264, 265, 338.

⁴⁵ ЦГАДА, ГКЭ по Старице, № 5/11645, лл. 35—36об.; ГБЛ. Тр., кн. 534, № 136 по Москве, лл. 19об.—20об. В грамоте Чудову монастырю от 13 сентября 1564 г. на земли в Вышегородском уезде употребление старого термина «люди» не показательно, так как здесь использован формуляр грамоты 1537/38 г. (В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю XVI в. «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25, М., 1962, стр. 318); ГБЛ, Акты Беляева, № 1/125; ГБЛ, ф. 29, № 1618, лл. 15—18об. (сообщил Б. Н. Флоря); ЦГАДА, ГКЭ по Туле, № 1/12308; Г. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в., Киев, 1915. Прил., стр. 46—50, № XX.

⁴⁶ АФЗиХ, ч. II, № 302.

⁴⁷ «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.», под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, М.—Л., 1948, стр. 13—79.

⁴⁸ В конце 40-х годов XVI в. мы видим в 14 селах систему управления при помощи одного приказчика. Двойное управление (приказчик-ключник) существовало к этому времени только в 11 селах. В первой половине и середине 50-х годов XVI в. совершился переход 9 из 14 старинных монастырских сел к системе двойного управления (см. С. М. Каштанов. К проблеме происхождения феодального иммунитета. «Исторические науки», 1959, № 4, стр. 106—121).

ее включили в грамоту архиепископу Герману на владения в Казанском уезде⁴⁹.

Распространение формулы «люди и крестьяне» отражало распространение барщины. В. И. Корецкий отмечает появление в послушных грамотах середины XVI в. (главным образом 50-х годов) формулы, разрешавшей феодалам вводить переоброчку крестьян («чем вас изобличают») и барщину («и пашню их пахали, где собе учинят»). Эти послушные грамоты относятся именно к центральным замосковным уездам — Владимирскому, Переславль-Залесскому, Рузскому⁵⁰. Формула «люди и крестьяне» в грамоте 1565 г. казанскому архиепископу находится в соответствии с реальным положением в архиепископской вотчине, где, согласно писцовым книгам 1565—1567 гг., основная масса крестьян отбывала барщину⁵¹.

Следовательно, в истории усиления феодального гнета и крепостного права канун опричнины был тем специфическим моментом, когда волны нового закрепостительного движения, прежде еще довольно разрозненные, начали смыкаться, придавая всему этому процессу общероссийский масштаб, но в то же время не вполне захватывая некоторые районы на западе и юге страны.

* * *

В свете полученных выводов особое значение приобретает для нас вопрос о территориальном составе опричнины как непосредственно связанный с раскрытием ее социальной сущности. Однако здесь нужно сделать несколько предварительных замечаний историографического характера. Н. М. Карамзин и ряд других историков (в 30—40-х годах XX в. Л. М. Сухотин и С. Б. Веселовский) в соответствии с показаниями источников относительно ликвидации опричнины около 1572 г. датировали ее 1564—1572 гг. С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, а вслед за ними П. А. Садиков, обратив внимание на существование во второй половине 70-х годов XVI в. особых «дворовых» городов, развили гипотезу о том, что в 1572 г. опричнина была отменена лишь формально. По мнению названных исследователей, опричнина продолжала действовать (под видом «двора») до самой смерти Ивана IV. Таким образом, в их трудах опричнина датируется 1564—1584 гг. В послевоенные годы эта датировка стала господствующей в нашей историографии. В «Очерках истории СССР» так называемый «второй этап» опричнины (1572—1584 гг.) характеризуется даже как период «перенесения порядков опричнины в преобразованном виде на территорию всей страны»⁵². Нам кажется необходимым предварительно разобраться в существе этого явления, которое фигурирует в источниках под названием опричнины, и не касаться пока событий 1573—1584 гг. Механическое объединение опричных территорий с позднейшими дворовыми противоречило бы конкретно-историческому исследованию вопроса. Кроме того, и в рамках 1564—1572 гг. нужно в строго хронологической последовательности изучать проблему взаимосвязи территориального состава опричнины (несколько увеличившегося к 1572 г. по сравнению с 1564 г.) с социальными и политическими противоречиями в стране. Поэтому рассмотрим сначала территорию опричнины в том виде, в каком она сложилась в конце 1564 г.

⁴⁹ «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, № 58, стр. 156—160.

⁵⁰ В. И. Корецкий. Возникновение крепостного права в России, рукопись, стр. 25. См. ЦГАДА, ГКЭ по Владимиру, № 27/1804, по Переславлю-Залесскому № 162/8886, 168/8892, по Рузе № 62/10293; АФЗиХ, ч. II, № 255.

⁵¹ В. И. Корецкий. Указ. работа, стр. 28; См. ЦГАДА, Писц. кн. по Казани, № 152, лл. 202об.—209об.

⁵² «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV в.—начало XVII в.», стр. 312.

Исследуя данный вопрос под углом зрения сделанных ранее выводов о развитии крепостного права накануне опричнины, приходится отметить, что в состав опричнины почти совершенно не вошли, за исключением Сузdalского уезда, наиболее крепостнические районы центра — восточное замосковье (уезды Переславль-Залесский, Дмитровский, Юрьев-Польский, Ростовский, Стародубский, Муромский, Нижегородский). Наоборот, менее закрепощенные западные и юго-западные территории (Можайск, Вышегород, Вязьма, Козельск, Переяславль, Белев, Лихвин, Малый Ярославец, Медынь, земли числяков и ордынцев в Боровском уезде, волость Всеслук Ржевского уезда, Круг Клинский, Пахрянский стан Московского уезда) образовали основную часть опричнины⁵³. Особая заинтересованность Ивана IV в территориях, лежавших к западу от Москвы, отчетливо проявилась также в обмене землями между Иваном IV и удельным князем Владимиром Андреевичем Старицким в начале 1566 г.

Отобрав у Владимира Андреевича его удел — западные уезды Старицкий и Верейский, которые были впоследствии зачислены в опричнину, — царь дал удельному князю взамен отдельные территории в северо-восточном замосковье — в районах Дмитрова, Мурома и Стародуба⁵⁴. В 1566—1568 гг. увеличились владения опричнины в западных Боровском и Ржевском уездах. Дальнейшее расширение опричнины в литературе обычно представляется в преувеличенном виде. Говорят о зачислении в опричнину всего Дмитровского и всего Переяславль-Залесского уездов. В действительности же в 1569—1571 гг. в опричнину попали только небольшие куски Стародубского, Дмитровского и Переяславль-Залесского уездов, входившие в удел и в сферу влияния В. А. Старицкого, казненного в 1569 г. Таким образом, распространение опричнины на уезды северо-восточного замосковья носило весьма ограниченный характер.

На севере в опричнину были взяты Старая Русса, Устюг, Двина, Каргополь, Вага, Ошта, Прибужье, Порог Ладожский, Тотьма, Вологда, Галич с Чюхломою⁵⁵. Потом к ним присоединились Чаронда (1565 г.), земли уездов Костромского (1567), Пошехонского (1565—1571/1572), Белозерского (1569—1570) и Обонежская пятина Новгородского уезда (1571 г.)⁵⁶. Следовательно, в числе северных владений опричнины оказался ряд областей, где, как указывалось ранее, закрепостительный процесс протекал в 30—50-х годах XVI в. довольно интенсивно (различные территории в уездах Вологодском, Тотемском, Устюжском, Двинском, Белозерском, Новгородском). Однако существенной чертой их отличия от крепостнических уездов северо-восточного замосковья был значительный удельный вес, а в некоторых уездах и преобладание черносошного землевладения, не захваченного светскими

⁵³ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 394—395. Оказавшиеся в составе опричнины территории Белевского и Переяславльского княжеств являлись территориями, где формально даже не действовала статья Судебника 1497 г. о крестьянском выхode только в течение недели до и после Юрьева дня, хотя некоторые северские княжата уже вводили эту норму в середине XVI в. в свои жалованные грамоты (С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. «Исторические записки», т. 22, стр. 115, ср. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1, изд. 2, М., 1962, стр. 425—427). Вязьма также принадлежала к тем восточным окраинам Литвы, отвоеванным у нее Россией в конце XV в., которые представляли собой область наименьшего закрепощения в отличие от западно-литовских и польских земель (см. В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, М., 1917—1918, стр. 204—205 и сл.; Д. Л. Покхилевич. Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV—XVI в. «Исторические записки», т. 31, стр. 194).

⁵⁴ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 400; ДиДГ, № 102, 103.

⁵⁵ Там же, стр. 394—395.

⁵⁶ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 189—190. Автор обычно считает включенной в опричнину всю территорию названных уездов, хотя достаточных оснований для этого нет. Скорее всего брались отдельные части уездов.

феодалами (грамоты конца 30—50-х годов XVI в. отражают закрепощение монастырских крестьян на севере). Характерно, что первоначально в опричнину попали наиболее черносошные уезды севера (Устюжский, Двинской, Тотемский, Важский) и только впоследствии территории тех районов, где черносошного землевладения было меньше (в Костромском, Белозерском, Пошехонском уездах).

На восточной окраине в опричнину вошла Балахна с Узолою, также лежавшая в районе черносошного посадского и крестьянского землевладения с менее развитым, чем в центре, крепостным правом.

Следовательно, опричнина объединила в себе главным образом те земли, где не преобладало крупное боярское землевладение⁵⁷ и где крепостнические отношения характеризовались еще сравнительной не-зрелостью. Это открывало возможности для выполнения основной классовой задачи опричнины — обеспечения поместного дворянства землей и крестьянами.

Чтобы выяснить крепостническую политику правительства в период опричнины, вернемся к анализу формулы «люди и крестьяне» в разбиравшемся выше контексте жалованных иммунитетных грамот. Нужно иметь в виду, что данная формула, отражая реальные изменения в отношениях господства и подчинения в феодальной деревне, была вместе с тем действенным средством укрепления прав феодалов на закрепощение крестьян. Недаром еще в 20—50-х годах XVI в. новая формула попадала прежде всего в жалованные грамоты, касавшиеся запустевших или вновь приобретенных владений, т. е. земель, где особенно остро ощущалась нехватка рабочих рук и где требовалось усиление юридических прав закрепостителя.

В связи с изложенным исключительный интерес представляет отсутствие формулы «люди и крестьяне» в большинстве жалованных грамот, выданных монастырям на их вотчины, вошедшие в состав опричнины. Старая формула «люди» нашла применение в жалованных грамотах главному духовному феодалу опричнины — Симонову монастырю. Симоновские акты относились к уездам Вышегородскому (1566 г.), Ржевскому (1567 г.), Можайскому (1567 г.) и взятой в опричнину Раменской волости Московского уезда (1566 г.)⁵⁸. Формула «люди» была использована в жалованной грамоте, которую получили в 1566 г. власти Шаровкиной пустыни на земли в опричных Переяславском и Белевском уездах⁵⁹. Аналогичная политика проводилась правительством в Ярославском и Вологодском уездах. В грамотах 1566 г. Спасскому монастырю, посвященных монастырским вотчинам в Ярославском уезде, употреблялась формула «люди»⁶⁰. Та же формула фигурирует в несудимой грамоте, выданной в 1569 г. Никольскому Катромскому монастырю на земли Вологодского уезда⁶¹.

Применяя в монастырских иммунитетных актах старую формулу вместо новой, правительство активно вмешивалось в борьбу феодалов

⁵⁷ См. также Г. Н. Бибиков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.

⁵⁸ П. А. Садиков. Из истории опричнины. Приложения. «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940 (далее — Садиков, «Ист. арх.»), № 2, стр. 152; № 19, стр. 211; № 20, стр. 213; № 6, стр. 188.

⁵⁹ Там же, № 7, стр. 195.

⁶⁰ Вахрамеев, № XXXV, XXXVI. Впрочем, для Ярославского уезда, принадлежность которого к опричнине, как показали исследования В. Б. Кобриня и А. А. Зимины, документально не подтверждается, есть противопоказание. В грамоте Лжедмитрия I 1606 г. Александровой пустыни на земли Ярославского уезда излагается предшествующая грамота Ивана IV от 5 марта 1566 г. (ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 3, д. 1916, лл. 353—354об., сообщил В. А. Кучкин). Если верить в текстуальную точность пересказа, в грамоте Ивана IV употреблялась формула «люди и хрестьяне».

⁶¹ «Вологодские епархиальные ведомости», 1870, № 7, стр. 251—255; ГБЛ, Румянц., кн. 53, лл. 34—38об.

за рабочие руки. Вследствие того, что в опричных уездах наиболее сильными конкурентами вновь испомещенного дворянства были влиятельные монастыри-вотчинники, правительство пыталось ограничить их особые привилегии в деле закрепощения крестьян. Эта сторона крепостнической политики Ивана Грозного в пределах опричнины не только ярко вскрывает одну из основных социальных задач опричнины (наделение служилой массы дворян крестьянами), но и объясняет, почему в опричнину попали сравнительно слабо закрепощенные (в том числе черносошные) уезды: здесь имелись реальные условия для проведения закрепостительных мероприятий в пользу помещиков без опасности вступить в серьезный конфликт с широкими кругами крупных и средних вотчинников⁶².

Чем ближе к крепостническому центру находились территории, тем труднее оказывалось разрешение в них проблемы борьбы за рабочие руки. Во всяком случае, уже в грамотах на монастырские вотчины в Старицком и Верейском уездах правительство использовало формулу «люди и крестьяне»⁶³. Довольно интенсивное закрепощение в Старицком уезде наблюдалось еще в начале 40-х, а затем и в начале 60-х годов XVI в. (употребление формулы «люди и крестьяне» в жалованных грамотах)⁶⁴. Очевидно, применение в старицких грамотах монастырям формулы «люди» во время опричнины было невозможно вследствие объективно сложившейся в Старицком уезде экономической обстановки. Но в попытке содействия служилым людям-опричникам в закрепощении крестьян правительство пускало в ход другие средства. Так, оно не зачисляло старицкие и верейские вотчины монастырей в состав опричнины, оставляя их тем самым без своего специального покровительства, обеспечивавшего сравнительно полную неприкословенность. Важность этой меры станет понятной, если учесть, что опричникам разрешалось вывозить крестьян из владений земских. Показания Генриха Штадена насчет вывоза крестьян опричниками у земских достоверны в наибольшей степени именно в отношении Старицкого уезда, ибо Штаден получил земли как раз в Старицком уезде и ближе всего был знаком с порядками, царившими там. Штаден писал: «Кто не хотел добром переходить от земских под опричных (unter die Aprisna), тех [эти последние] вывозили насилиством (mit Gewalt geholet) и не по сроку (ausser der Zeit). Вместе с тем увозились или (und) сжигались [и крестьянские] дворы»⁶⁵.

Особенная сложность в вопросах борьбы за рабочие руки возникла в 1570—1571 гг., когда в опричнину вошла часть крепостнических уездов Дмитровского и Переславль-Залесского. Разрешенный опричникам вывоз крестьян у земских «насилиством и не по сроку» привел в указанных районах к настолько серьезному углублению противоречий в лагере феодалов, что правительство оказалось перед необходимостью пойти на уступки земским. Не говоря уже о включении в жалованные грамоты духовным корпорациям формулы «люди и крестьяне» (а не «люди»)⁶⁶, Иван Грозный вынужден был ставить здесь монастырские вотчины под покровительство опричных органов государственной вла-

⁶² Но см., напр. В. Б. Кобрин. Из истории земельной политики в годы опричнины. «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 154—156.

⁶³ См. грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1566 г. на старицкие (ГБЛ, Тр., кн. 527, № 324) и верейские (там же, № 431) села, грамоту 1569 г. Старицкому Успенскому монастырю. (ЦГАДА, ГКЭ по Симбирску, № 23/11663).

⁶⁴ «Исторический архив», т. II, стр. 51—59, ЦГАДА, ГКЭ по Старице, № 5/11645, лл. 35—36б.

⁶⁵ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного [Л], 1925, стр. 95.

⁶⁶ Любопытно, что в несудимой грамоте 1571 г. В. Я. Щелкалову на владения в Переславль-Залесском уезде употреблена старая формула «люди» (АИ, т. 1, СПб., 1841, стр. 342). Нельзя ли расценить это как попытку несколько сдержать крепостнические аппетиты одного из влиятельнейших светских феодалов Переславского края?

сти⁶⁷. Чрезвычайно интересна одна статья, внесенная в льготную грамоту Троице-Сергиеву монастырю от 12 октября 1571 г. Грамота касалась запустевших сел «за Москвой»: «И крестьян из-за троцкого архимарита Феодосия з братьем без отказу и не по сроку и безпошлино наших дворцовых сел приказчиком, ни боярским, ни княженецким, ни монастырским и ни иным никотоим людем не возити»⁶⁸. Для формулляра льготных грамот эта статья представляла собой новость, до тех пор не встречавшуюся. Ее появление свидетельствует о том, что в период распространения опричнины на часть крепостнических уездов северо-восточного замосковья проблема распределения рабочих рук между различными категориями земельных собственников обострилась как никогда раньше.

Именно в 70-х годах приняла острые формы борьба за рабочие руки и в замосковном опричном Сузdalском уезде. Об этом свидетельствует одна грамота апреля 1572 г.⁶⁹. Около 1570 г. игуменья Покровского Сузdalского монастыря жаловалась царю, что дворцовые приказчики «из монастырских... сел вывезли крестьян сильно, не по сроку, без отказу и безпошлино». В ответ на ее челобитье пришла грамота «из Слободы» с запрещением вывозить монастырских крестьян, но действия этой грамоты хватило лишь на один 1570 г., а уже в 1571 г. дворцовые приказчики снова «взяли у них сильно, не по сроку, крестьян из монастырских сел», да и в 1570 г. (неизвестно, до или после указа «из Слободы») тоже вывезли двух монастырских крестьян. После морового поветрия в начале 1572 г. крестьян в монастырской вотчине осталось мало, однако «и тех де крестьян достальных вывезли сильно же де наши приказчики... в наши села вкладные и в пособные, и женами, и з детми, и з хлебом, и з животы, и з статки сильно, не по их воле». Как и в 1571, в 1572 г. дворцовые приказчики вывозили крестьян «сильно, без отказу и безпошлино», т. е. в соответствии с теми принципами, которые упоминаются и в троицкой грамоте 1571 г.

Интересно, что в условиях начавшегося запустения шла борьба не только за крестьян, но и за их имущество. Приказчики, кроме крестьян, их «хоромы... развозили», «а везли де из монастырских сел... хором всяких, изб и клетей и онбаров,... и с тех сел взяли двацат улев со пчелами нелаженых, да восемь стогов сена, а в них триста копен». Насколько нам известно, в более ранних документах о вывозе крестьян нет указаний на своз крестьянских изб и другого имущества⁷⁰. Но, совпадая с показаниями Г. Штадена, это свидетельство характеризует перенесение и в восточные районы опричных методов борьбы за крестьян.

Приказчики вели себя очень дерзко, «похвалялись и хлеб монастырской розвозити», ограбили монастырский двор, взяв оттуда «платя и денег, и кабал, и всякого подворного запасу, всего пятьдесят рублей с полтиною». Кроме того, они «и на монастырских крестьян на целовалника Иванка научают, а велят де ему клепати и похвалятися де на них убивством и пожегою, и всякими лихими похвалами, чтоб они того всего грабежи не отыскивали».

Такое поведение приказчиков вызывалось не только их личным произволом, но и, по-видимому, какими-то инструкциями свыше. «Люди» одного из дворцовых приказчиков сказали, что «оны крестьян монастырских возили из их деревень по нашему (Ивана IV.—С. К.) наказу, а ныне де им имати хоромы по наказу же, да наказу им нашего не показали...». Возможно, Иван IV и не давал специального

⁶⁷ Леонид. Махрицкий монастырь. «Чтения ОИДР», 1878. кн. 3, стр 32—35.

⁶⁸ Садиков. «Ист. арх.», № 52, стр. 258.

⁶⁹ «Описание актов Уварова», № 1/45, стр. 50—54.

⁷⁰ ДАИ, т. 1, СПб., 1846, № 56; РИБ, т. II, СПб., 1875, № 36.

«наказу» вывозить монастырских крестьян и их хоромы, однако сама допустимость такого предположения обеими заинтересованными сторонами показывает, что в борьбе за рабочие руки правительство не останавливалось и перед этим, тем более, что в своей апрельской грамоте 1572 г. Иван IV, в ответ на все изложенные жалобы игумены, не вынес решения в чью-либо пользу, а велел только расследовать дело, даже не осудив действия приказчиков.

Но так или иначе правительство приняло во внимание монастырское целобитье и как-то откликнулось на него. В восточном замосковье борьба опричнины за рабочие руки была уже невозможна в столь откровенно безнаказанной форме, в какой она проводилась, судя по словам Штадена, в районах к западу от Москвы.

Б. Н. Флоря обратил внимание автора на необычность формулы послушания в послушной грамоте февраля 1571 г. на село Хребтово Переславль-Залесского уезда, переданное Никите Авксентьеву сыну Парфеньеву: «И вы б, все крестьяне,... Никиту Оксентьева чтили и слушали, и пашню на него пахали и оброк ему платили и под суд ему давались...»⁷¹. Слова «чили», «под суд ему давались», обычно отсутствующие в послушных, отражают стремление усилить административную власть феодала. Это стремление определялось, очевидно, ростом классовой борьбы крестьян.

Таким образом, рассматривая опричнину в социальном аспекте, мы убеждаемся, что главное в ней — это ее классовая направленность, которая состояла в проведении мероприятий, содействовавших дальнейшему закрепощению крестьян. В этом смысле опричнина была, конечно, в большей степени антикрестьянской, чем антибоярской политикой. В литературе явно преувеличены внутриклассовые противоречия опричнин. Стремление представить ее в виде ряда глубоких конфликтов между различными прослойками класса феодалов кажется мало обоснованным. Опричнина являлась в этом плане скорее продолжением политики «компромисса», проводившейся Избранной радой, так как она пыталась решить земельный вопрос и вопрос о рабочих руках без коренной ломки каких-либо сложившихся категорий феодального землевладения. Об этом убедительно говорит отбор в опричнину уездов, где боярское землевладение было распространено относительно слабо. Правительство практически не могло провести сколько-нибудь значительный «перебор» вотчинников в старокрепостнических уездах восточного замосковья⁷². Возникает необходимость гораздо более осторожного подхода к общим высказываниям источников о широких переселениях опричников и земских. Если такие переселения можно допустить в отношении менее крепостнических западных, юго-западных и некоторых северных территорий опричнины, то вряд ли правильно представлять себе совершенно аналогичную картину для северо-восточного замосковья и центра.

В качестве вполне конкретного, хронологически строго ограниченного исторического явления, опричнина нуждается в объяснении непосредственных экономических причин ее возникновения и отмены. Опричнина появилась именно в тот момент, когда в силу неравномерности развития крепостнического процесса в разных районах страны еще имелась реальная перспектива, не нарушая коренных экономических интересов всего класса феодалов в целом, обеспечить помещиков землей и крестьянами, т. е. довести до конца осуществление одного из главных пунктов социальной программы укреплявшегося централизованного государства. Стремительный ход закрепощения крестьян в разных уездах страны

⁷¹ «Исторический архив». т. III, стр. 255—256.

⁷² Хотя, конечно, попытки «перебора» земель были и там (см. напр., В. Б. Кобри и др. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI в. в Юрьев-Польском уезде. «Археографический ежегодник», т. 1. М., 1958, стр. 467 и сл.).

подталкивал правительство на создание опричнины, ибо дальнейший рост крепостничества сделал бы немыслимым решение этой задачи. Однако, распространяясь в область крепостнического северо-восточного замосковья, опричнина уже находилась на пути к своей гибели. Способы разрешения земельной и крестьянской проблем, применявшиеся в первоначальных районах опричнины, породили в центральных уездах слишком серьезные внутриклассовые противоречия, чтобы правительство могло дальше продолжать политику опричнины. И в этом опять-таки сказался классовый характер опричнины, которую крайне односторонне и неверно было бы определять как в основном антибоярскую политику.

Один документ периода опричнины, недавно опубликованный В. Б. Кобрином⁷³, позволяет по-новому взглянуть на отношение правительства Ивана IV к крестьянам опальных и казненных феодалов. В литературе распространилось мнение, что опричники их разоряли и уничтожали. Однако из крайне интересной царской грамоты ноября 1568 г. о разделе между Кирилло-Белозерским монастырем и дворцовым ведомством белозерской вотчины казненного боярина И. П. Федорова — села Воскресенского с деревнями и другими населенными пунктами — вырисовывается совсем иная картина. Иван IV не только не приказал перебить крестьян Федорова, а, наоборот, обязал местные власти, во-первых, переписать «дворы и во дворах люди по именом», во-вторых, «тех деревень и починков не опустошити, и хором не развозити и не обжечи, и крестьян не розогнати, и пашни не запереложити, и крестьян от сторонних людей беречи, чтобы им силы и обиды и продажи безлепиных ни от кого не было никотыми делы»; в-третьих, переписать «на крестьянах заемные деньги и хлеб по кабалам и бескобално, подлинно, порознь», т. е. выявить всех крестьян-должников И. П. Федорова, в том числе и тех, чей долг не был письменно зафиксирован.

Первое и третье постановление относились к обеим половинам вотчины Федорова — к переходившей в монастырскую собственность и к переходившей в дворцовое ведомство. Царь проявил здесь заботу о прочном прикреплении крестьян к земле (посредством поименной переписи дворовладельцев) и о сохранении в полном объеме крестьянских долговых обязательств И. П. Федорову, механически превращавшихся теперь в долговые обязательства по отношению к новым владельцам. Сохранение за крестьянами земли при некотором усилении их долговой зависимости от феодалов (фиксация бескабальных долгов) укрепляло экономические основы эксплуатации крестьян. Сплошная же перепись дворов создавала новую юридическую базу для дальнейшего роста крепостной зависимости и внеэкономического принуждения.

Постановление об оберегании крестьян касалось только той части конфискованной вотчины, которая отписывалась «на государя». Это показывает особое внимание Ивана IV к расширению производительных сил дворцового хозяйства и острую борьбу за рабочие руки в рамках опричнины. Под «сторонними людьми», рассматривавшимися в грамоте в качестве источника «обид» для крестьян, вероятно, подразумевались прежде всего слуги соседнего Кирилло-Белозерского монастыря и другие вотчинные и поместные приказчики. Они, конечно, не преминули бы воспользоваться случаем, чтобы вывезти крестьян казненного боярина во владения своих господ.

Грамота 1568 г. показывает строго продуманное отношение к движимому и недвижимому имуществу И. П. Федорова в конфискованной вотчине. В грамоте предписывалось подвергнуть подробнейшей переписи все земли, леса, озера и другие угодья, «хлеб стоячей и молоченой, житницах», сено, лошадей, домашних животных, одежду, деньги,

⁷³ В. Б. Кобрин. Из истории земельной политики в годы опричнины, стр. 156—
№ 3.

колокола, иконы и т. п., «а лошадь и всякий мелкой живот... беречи и кормити».

Сопоставляя приведенные данные с известиями литературных памятников, В. Б. Кобрин удачно заметил: «Штаден, Шлихтинг и Курбский красочно рассказывают о том, как Иван IV после казни Федорова разъезжал почти год по его вотчинам, предавая все огню и мечу, убивая крестьян и даже лошадей. Эти рассказы некритически повторяют и некоторые историки, видя цель опричнины в преднамеренном уничтожении производительных сил⁷⁴. Но феодальная антикрестьянская направленность опричнины проявлялась не в истреблении непосредственного производителя и орудий его труда (хотя и такие случаи были нередки), а в усилении феодальной эксплуатации крестьянства. Крестьянин был нужен феодалу как объект эксплуатации, царю-феодалу была нужна не запустевшая и разгромленная, а дающая не меньший, чем при старом владельце, доход вотчина...»⁷⁵. И, действительно, та же грамота требует незамедлительного сбора с крестьян и присылки в Москву «доходов», причем не только «на нынешней на 77-й год» (1568/69), но и «на 76-й год» (1567/68)⁷⁶. Следовательно, тут предполагался известный специальный «правеж» доходов за тот промежуток времени, когда Федоров подвергся опале, но его вотчина еще не была конфискована (1567/68 г.). Возможно, что доход этот уже был взыскан с крестьян приказчиками Федорова. В таком случае «доход на 76-й год» надо рассматривать как резкое увеличение податного бремени.

Весьма красноречивы грамоты 1566—1570 гг., закрепляющие привилегии светских феодалов. Все они обязывают последних не только земель «не запустошити, и крестьяне не розогнати, и пашни не запереложити»⁷⁷, но и заселить пустующие участки («а на пустых местах дворы велети ставить, и крестьян назвати, и пашня роспахати»)⁷⁸.

Опубликованная В. И. Корецким правая грамота 1618 г. содержит очень ценный материал о росте крестьянских платежей в черной Аргуновской волости Переславль-Залесского уезда, попавшей в 1565 г. в опричнину. Сравнивая цифровые данные, характеризующие податное обложение аргуновских крестьян в 50-х годах XVI в., с аналогичными данными, относящимися к началу 80-х годов, В. И. Корецкий пришел к выводу, что «крестьянские повинности возросли здесь за это время почти в 3 раза»⁷⁹. Рост крестьянских платежей и повинностей в Аргунове приходится на время опричнины.

Таким образом, когда мы говорим об «антикрестьянской» направленности опричнины, мы имеем в виду ее классовую сущность, состоявшую, как справедливо подчеркнул В. Б. Кобрин, не в уничтожении непосредственных производителей, а в усилении крепостнической эксплуатации крестьян.

* * *

Для более или менее полного понимания опричнины необходимо наряду с изучением судеб русского крестьянства исследование вопроса о

⁷⁴ См. В. Н. Шевяков. К вопросу об опричнине при Иване IV. «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 75. Вообще попытка представить опричнину в виде политики сплошного разбоя и грабежа противоречит показаниям источников. Так, даже когда экстренно потребовалось реквизировать «суда большие» для организации борьбы с крымскими татарами в 1572 г., царь приказал их отписать «сколько будет надобно в земском и в опричнице, сколько где мочно взять», но «взять, оцени, а деньги вперед заплатити» (В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 172).

⁷⁵ В. Б. Кобрин. Из истории земельной политики в годы опричнины, стр. 153.

⁷⁶ Там же, док. № 3, стр. 157, 158.

⁷⁷ ГБЛ, Акты Беляева, № 1/131.

⁷⁸ РИБ, т. II, СПб., 1875, стлб. 44; Д. Я. Самохвалов. Архивный материал (т. 1), М., 1905, стр. 194—196.

⁷⁹ В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю. «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 21, М., 1959, стр. 195—196, 206—212.

городах в период проведения опричной политики. Уже С. Ф. Платонов обратил особое внимание на факт включения в опричнину ряда развитых торговых центров севера (Устюг Великий, Вологда, Тотьма, Двина, Каргополь и др.). В «Очерках истории СССР» лаконично сказано: «Эти земли имели большое торгово-промышленное значение. Посадское население северных городов, как и посад Москвы, оказывало энергичную поддержку опричной политике Ивана Грозного. Оно также доставляло средства для финансовых нужд опричного двора»⁸⁰. Однако сущность данной проблемы остается до сих пор неясной. Прежде всего мы не имеем аргументированного ответа на вопрос, была ли опричнина временем союза царской власти и посадов, т. е., выражаясь словами Ф. Энгельса, «союза королевской власти и городов».

Этот союз вырисовывается как совершенно бесспорное явление из источников 50-х годов XVI в., когда у власти стояла Избранная рада. Показания позднейших материалов гораздо противоречивее.

Сам отбор в опричнину некоторых северных городов, представлявших собой довольно яркие очаги ремесла и торговли, свидетельствует о том, что городская политика опричнины, так же как и крепостническая, строилась не на пустом месте. Использование традиций и связей, сложившихся между правительством и городами в 50-х годах XVI в., здесь налицо. Из трех северных территорий, на которые, судя по выданным грамотам, обращал особое внимание глава правительства Избранной рады А. Ф. Адашев (Тотьма, Двина, Пермь)⁸¹, две были взяты в опричнину целиком (Тотьма, Двина), а одна частично⁸². Во всех этих уездах Адашев успел зарекомендовать себя поборником интересов зажиточных кругов торгово-промышленного населения. В Тотьме он содействовал основанию Спасо-Суморина монастыря, воздвигавшегося по инициативе посадских людей, хотевших иметь свою корпорацию с чисто посадским составом постриженников⁸³. В пинежской части Двинской земли Адашев подтвердил привилегии слободчика И. Д. Новгородцева Ластки⁸⁴. Пермская уставная грамота, выданная А. Ф. Адашевым, также укрепляла юридическое положение промысловых и торговых слоев местного населения⁸⁵.

Накануне создания опричнины правительство придавало большое значение установлению твердых порядков в деле обложения таможенными пошлинами торговых людей русского севера. В 1563 г. были изданы Орешковская и Весьегонская таможенные грамоты⁸⁶. Несмотря на тяжесть таможенного пресса, фиксировавшегося в уставных грамотах, появление этих документов все же способствовало ограничению произвола местных сборщиков и в какой-то мере отвечало требованиям зажиточных кругов посада, занимавшихся промыслами, ремеслом и торговлей. Предполагавшееся в Весьегонской грамоте упразднение соседних торжков ликвидировало таможенную зависимость торговых людей от крупных светских феодалов, на чьей земле находились торжки. Но в то же время эта отмена мелких торжков, очевидно, не вполне удовлетворяла определенные группы непосредственных производителей и торговцев. В создании концентрированных рынков нуждались, види-

⁸⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV в.— начало XVII в.», стр. 305.

⁸¹ С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. «УЗ МГУ», вып. 167, М., 1954, стр. 36.

⁸² В 1566 г. в опричнину попали земли Строгановых в Пермской области (ДАИ, т. 1, № 118).

⁸³ А м р о с и й. Указ. соч., т. VI, стр. 413—418.

⁸⁴ «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах», СПб., 1853, ч. II, стр. 140 и сл.

⁸⁵ ААЭ, т. 1, СПб., 1836, № 250. Мысль о содействии Адашева северным посадским людям и предпринимателям была в беседе с автором в общей форме высказана С. О. Шмидтом.

⁸⁶ ДАИ, т. I, № 116; ААЭ, т. I, № 263.

мо, наиболее развитые в экономическом отношении слои городского населения. Перед самым провозглашением опричнины, в ноябре 1564 г., принцип концентрации рынка в Веси Егонской был подтвержден в специальной указной грамоте⁸⁷.

В 1564 г. правительство Ивана Грозного продемонстрировало наряду с вниманием к интересам промышленников севера отступление от старых позиций в вопросах городской политики. С одной стороны, была санкционирована широкая предпринимательская деятельность солепромышленников Строгановых в Пермском крае. В начале 1564 г. они получили льготную грамоту, в которой содержалось двадцатилетнее освобождение от всех податей и повинностей, а также полный судебный иммунитет⁸⁸. С другой стороны, правительство впервые показало, что оно не собирается дальше соблюдать принципы посадской политики Избранной рады, не предоставляющей привилегий беломестцам в городах. В сентябре 1564 г. митрополичий дом добился выдачи ему тарханно-несудимой грамоты на слободку Борисоглебскую в Переяславле-Залесском⁸⁹. Грамота запрещала посадским людям притягивать бело-слободчиков в посадское тягло. Сходная политика проводилась правительством в 1565 г. в районе Москвы. Несмотря на то, что Иван IV в знаменитой январской грамоте 1565 г. заверял московский посад в своем дружеском расположении, уже в августе 1565 г. он выдал жалованную грамоту Московскому Симонову монастырю, в которой было велено стприсать от посада и обелить от податей подмонастырское село Коровничье⁹⁰. В марте 1565 г. галицкие соляные варницы Симонова монастыря получили освобождение от пошлин⁹¹.

С 1567 г. в связи с разоблачением боярского заговора Иван IV усиленно искал поддержки влиятельных монастырей. В 1567 г. Симонову монастырю были выданы обельные грамоты на двор в Ярославле на посаде и на слободку Рожковскую Ржевского уезда⁹². В 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь добился несудимости и обеления от пошлин для своего двора в городе Белоозере⁹³. В апреле 1569 г. правительство исключило из посадского тягла двор Кирилло-Белозерского монастыря на турчаковском посаде в Карапольском уезде⁹⁴, а в августе того же года распространило на него судебный иммунитет и право не платить главные государственные налоги⁹⁵. По общей тарханно-несудимой грамоте 1569 г. Старицкому Успенскому монастырю его слободка в Старице на посаде освобождалась от податей и наместничего суда⁹⁶.

Таким образом, несмотря на то, что в рамках опричнины политика обеления монастырских городских дворов и слободок проводилась только в 1567—1569 гг., т. е. в годы напряженнейшей борьбы с последним крупным уделом, окончившейся в 1569 г. казнью В. А. Старицкого, все же это был крутой поворот в сторону расширения землевладения в городах в ущерб интересам довольно широких кругов посада⁹⁷. Вместе с тем в 1566—1568 гг. укреплялись привилегии солепромышленников Пермского края Строгановых. В 1566 г. по просьбе Строгановых вошли

87 ААЭ, т. I, № 269.

88 ДАИ, т. I, № 117.

89 АФЗиХ, ч. I, № 223.

90 ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 250—253об.

91 ЦГАДА, ГКЭ по Галичу, № 34/3364.

92 ГИМ, Сим., кн. 58, лл. 406об.—408; Садиков. «Ист. арх.», № 19.

93 ЦГАДА, ГКЭ по Белозерску, № 121/822.

94 Садиков. «Ист. арх.», № 37, стр. 237.

95 Архив ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 14.

96 ЦГАДА, ГКЭ по Симбирску, № 23/11663.

97 П. П. Смирнов, распространяя свой тезис о торжестве черных посадов над беломестцами на 60 и 70-е годы XVI в. (П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., ч. I, М., 1947, стр. 144—159), впадал в явное противоречие с фактами.

в опричнину поставленные ими ниже Перми городки Канкар и Кергедан. В 1568 г. Яков Строганов получил льготную грамоту на дополнительные пустые земли в бассейне р. Чусовой⁹⁸.

В то же время проявилось стремление правительства Ивана Грозного опереться на крупное купечество, что нашло отражение в особо льготной политике по отношению к английским купцам «Русской компании» в 1567—1571 гг. Исключительных привилегий «Русская компания» добилась в год казни В. А. Старицкого (1569 г.), явившийся кульмиационным моментом «опричной грозы»⁹⁹. Однако отсутствие жалованных грамот 1566—1572 гг. беломестцам на дворы и слободы в земских городах показывает, что после опытов 1564—1565 гг. Иван IV проводил свою новую городскую политику в основном в пределах опричнины, а в земщине поддерживал те элементы союза с городами, которые были характерны для правительства Избранной рады. С другой стороны, в исключительных случаях, связанных с «изменой» целого города,— имеется в виду новгородский погром 1570 г.— страдала прежде всего верхушка купечества. Впрочем, кроме новгородской «опалы», трудно указать другие примеры такого рода.

Приведенные свидетельства жалованных и таможенных грамот позволяют сделать вывод, что во время опричнины ослаб установленный в период правления Избранной рады союз царской власти со средними слоями городского населения. Правительство пыталось сохранить хорошие отношения с верхушкой промышленников и с гостями, которые, очевидно, уже тогда не несли всего бремени посадского тягла и поэтому меньше, чем широкие круги посада, страдали от засилья беломестцев. Следовательно, в годы опричнины политика правительства в городах (во всяком случае опричных) развивалась на более суженной социальной базе. Правительство отстаивало теперь в основном интересы крупнейшего купечества, чьи представители на земском соборе 1566 г. высказались за продолжение Ливонской войны. Для господствующего класса феодалов новый курс городской политики правительства означал дальнейшее усиление компромиссных тенденций. Здесь в выигрыше оказались духовные феодалы, городское землевладение которых было поставлено под угрозу уничтожения мероприятиями Избранной рады.

Выдвинутая дворянством широкая программа дальнейшего крестьянского закрепощения потребовала от правительства консолидации всех сил господствующего класса в целом. Недостаточная еще развитость экономики города позволяла правительству осуществлять эту цель в ряде случаев за счет посадов. Таким образом, в силу специфического экономического положения России в 60—начале 70-х годов XVI в. опричнина явила такую формой централизаторской политики, которая опиралась на земельное дворянство, монастыри и верхушку купечества, в то время как еще Избранная рада показала классический образец централизаторской политики, исходившей из интересов дворянства, но доставившей посадам все блага союза с «королевской властью».

Несомненно, в основе изменений в городской политике правительства лежали хозяйствственные сдвиги в стране.

В XVI в. закрепощение крестьян феодалами, особенно усилившееся в середине столетия, представляло собой в определенной степени процесс распространения барщины, наряду с другими видами ренты. Экономическое положение страны ухудшилось. Вполне понятно, что в этих условиях ослаблялась сопротивляемость крестьянских хозяйств таким стихийным бедствиям как неурожай и эпидемии. Неверно было бы вслед за источниками видеть основную причину хозяйственных неу-

⁹⁸ ДАИ, т. I, № 118, 119.

⁹⁹ О внешнеполитических причинах и условности этих привилегий см. в комментарии Я. С. Лурье к Посланию Ивана IV королеве Елизавете («Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 614—616).

рядиц в государстве в стихийных бедствиях или даже в тяжелой налоговой политике правительства. Основная причина разорения коренилась в погоне феодалов (особенно поместного дворянства) за увеличением ренты.

Взятым в опричнину, как мы видели, оказался известный круг территории на севере и западе, где закрепощение не было еще окончено и которые в связи с этим были более удобны для проведения здесь закрепостительной политики в пользу поместного дворянства. Но разорение в северных и западных районах привело к тому, что опричнина сразу же территориально пошла по следам хозяйственного кризиса.

Некоторые исследователи считают разорение страны следствием опричнины, однако факты заставляют указать на обратную причинно-следственную связь. Политика опричнины развертывалась в условиях хозяйственного разорения, начавшегося еще раньше. В 50-х годах XVI в. главным районом прогрессировавшего разорения был север. В челобитных Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1555 г. говорилось о запустении монастырских вотчин: «от бесхлебья и от великих податей — пашня лесом поросла»¹⁰⁰. В вотчине новгородского монастыря Антония Римлянина в 1557—1561 гг. запустило $79\frac{1}{2}$ обеж, т. е. в несколько раз больше, чем в 1562—1564 гг. (около 9 обеж), 1566—1567 гг. ($28\frac{1}{2}$ обеж) и в 1568 г. (свыше 2 обеж)¹⁰¹.

К середине 50-х годов XVI в. относится и особенное обострение борьбы за рабочие руки в северных уездах. В 1555 г. новгородским дьякам была послана указная грамота о содействии выборным головам пусторожевских черных деревень в вывозе крестьян у детей боярских. Из нее следует, что феодалы не ограничивались законными размерами пожилого, требуя «рублев по пяти и по десяти», чем фактически лишили крестьян возможности выхода. К этому присоединялись еще такие меры насилия, как сажание на цепь, в колодки («в железа куют»)¹⁰². В указной грамоте 1559 г. на Белоозеро также регулировались вопросы перераспределения рабочих рук между феодалами. В ней сообщалось о крестьянах, выхodивших из черных волостей в села и деревни Кирилло-Белозерского монастыря «и за князей, и за детей боярских не в срок, без отказу»¹⁰³.

Уже в первой половине 60-х годов XVI в. запустение с севера стало распространяться на юг — на области к западу от Москвы. Страшный голод 1561 г. в западных уездах — Можайском и Волоколамском, толкнувший огромные массы населения в понизовые города¹⁰⁴, — еще более усилил запустение в западных районах. Из челобитной властей Иосифо-Волоколамского монастыря 1563 г. встает картина разорения даже привилегированной монастырской вотчины, где запустило свыше 300 вытей¹⁰⁵.

Вместе с тем в 60-х годах XVI в. не было широкого запустения восточного замосковья. Довольно случайной причиной обусловливалась в середине 60-х годов «нужа великая» Троице-Сергиева монастыря. В указной грамоте от 2 декабря 1564 г. в Радонеж и на Предобошку сообщается, что «у них по грехом монастырь выгорел и их де постигла нужа великая»¹⁰⁶. Здесь, как видим, нет сведений ни о море, ни о разбеге крестьян и запустении пашни, хотя монастырь не преминул бы изложить в челобитной все свои несчастья сполна.

¹⁰⁰ «Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря, изд. В. П. Шляпинным», ч. I, Вел. Устюг, 1912, стр. 56, 57.

¹⁰¹ А м в р о с и й. Указ. соч., ч. III, стр. 151—152.

¹⁰² ПРП, вып. IV, стр. 111—112, 139—142.

¹⁰³ РИБ, т. II, № 36.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 392.

¹⁰⁵ АФЗИХ, ч. II, № 302.

¹⁰⁶ ГБЛ, Тр., кн. 527—529, № 323.

К 70-м годам разорение центра и восточного замосковья приобрело уже значительный размах. Опустошительный набег крымского хана не был здесь главной причиной наступившей разрухи. В жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю, выданной в марте 1571 г., т. е. до нашествия Девлет-Гирея, пересказывалось монастырское члобитье, из которого явствовало, что «крестьяне от глада и от поветрея вымерли...», «и всякие наши подати и пошлины с пуста емлют за жилое на них сполна», «а крестьян... у них во всей троецкой вотчине не осталось ни трицатого жеребья»¹⁰⁷.

Дальнейшее разорение вотчин Троице-Сергиева монастыря, усиленное набегом крымского хана, вырисовывается из льготной грамоты, выданной 12 октября 1571 г. на ряд сел в нескольких уездах: «у них в нашем Богомолы за Москвою троицкие села в приход крымского царя выжжены и вывоеваны... с приселки и з деревнями, и нынче де с тех сел и деревень нашу дань и посоху и всякие наши подати правят с пуста, а они де те пустые села и деревни оплачивают монастырскою троецкою казною»¹⁰⁸.

Следовательно, если еще в марте 1571 г. взимание податей «с пуста» производилось с оставшихся крестьян, то в октябре 1571 г., после крымского набега, значительная часть троицких владений оказалась разоренной дотла, и монастырю приходилось оплачивать подати «монастырскою... казною». В вотчинах, не подвергшихся набегу, налоги «с пуста» взимались с уцелевших монастырских крестьян, как это делалось и до марта 1571 г., но в 1572 г. подобные действия приводили уже к массовому бегству крестьян. В указной грамоте, отправленной 20 марта 1572 г. в Гороховец, говорится, что местные власти посылают в гороховецкую вотчину Троице-Сергиева монастыря «розыльщиков», которые «их крестьян на правеже мучат и с пуста на живущих крестьянях посoshных людей и на ям, и в столовые кормы, и всякие пошлины правят, и от того дей их и достальные крестьянишка розбежались»¹⁰⁹.

В грамоте, выданной 20 апреля 1572 г., пересказывается члобитная Покровского девичьего монастыря, характеризующая положение в монастырских селах опричного Сузdalского уезда: «а нынешного де году было поветрее, людей монастырских и крестьяня вымерли во всех деревнях их, и которые де крестьяне остались в деревне человек по пяти и по шти, и тех де крестьян достальных вывезли сильно... наши приказщики...»¹¹⁰.

Процесс экономического разорения Новгорода был в это время усугублен карательными мерами Ивана Грозного¹¹¹. В 1569—1571 гг. в вотчинах новгородского монастыря Антония Римлянина запустело более 143 обеж, т. е. в 3,5 раза больше, чем в 1562—1568 гг.¹¹².

Следовательно, как в 1564 г. созданию опричнины предшествовало разорение северных и западных уездов, так в начале 70-х годов XVI в. расширению опричнины предшествовало увеличение сферы хозяйственной разрухи.

В последних работах, посвященных опричнице, имеются попытки представить ее в виде системы, созданной в целях образцового ведения хозяйства. Так, С. Б. Веселовский, отрицая фактически политическую направленность опричнины, усматривал необходимость ее введения исключительно в хозяйственных и организационных мотивах. Главной

¹⁰⁷ «Сборник князя Хилкова», № 59.

¹⁰⁸ Садиков. «Ист. арх.», № 52.

¹⁰⁹ Там же, № 59.

¹¹⁰ «Описание актов Уварова», № 1/45.

¹¹¹ «Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 393—404; см. также И. И. Смирнов. «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 64—65.

¹¹² Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 151—152.

задачей опричнины он считал лучшее обеспечение царского двора¹¹³. Сопоставление районов хозяйственного разорения накануне опричнины с территориями, взятыми в опричнину, позволяет рассмотреть этот вопрос с совершенно иной точки зрения. Перетасовка земель и довольно широкие перемещения феодалов, даже если отказаться от имеющихся в литературе преувеличений размаха этих мероприятий, не могли бы претворяться в жизнь в условиях более или менее нормального функционирования феодальных хозяйств. Осуществление опричных перетасовок стало возможным только около 60-х годов XVI в., когда хозяйственное разорение выбило старых земельных собственников из их привычной колеи и создало некоторую неустойчивость экономических отношений в феодальных хозяйствах северных и западных областей.

Показательно, что даже в Иосифо-Волоколамском монастыре примерно с 1561 г. перестала вестись начатая в 1547 г. хозяйственно-административная книга ключей и денежных оброков¹¹⁴. Не случайно с начала 60-х годов Иосифо-Волоколамский монастырь пытался приобретать земли в районе к востоку от Москвы — во Владимирском уезде¹¹⁵.

По-видимому, опричнина и хозяйственное разорение XVI в. — два выражения одного и того же внутреннего процесса резкого усиления всех форм феодальной эксплуатации; только в таких условиях была возможна политика опричнины с ее «переборами» вотчин и поместий.

Разорение деревни отрицательно повлияло на экономическое развитие посадов, которые ослабли и политически. Именно поэтому могущественные духовные феодалы смогли возобновить активную борьбу за свои беломестные привилегии и добиться от правительства ряда существенных уступок.

* * *

Мы уже отмечали историографическую традицию, гиперболизирующую антибоярский характер опричнины. Первым серьезным ударом по этой схеме было высказывание В. О. Ключевского о направленности опричнины не против общих порядков, а против отдельных лиц. Мнение Ключевского, сильное своей негативной стороной, но ничего не объясняющее по существу, давало толчок для более дифференцированного исследования данной проблемы. С. Ф. Платонов попытался внести конкретность в этот вопрос, указав, что опричнина была обращена своим остирем против княжат. Таким образом, у него речь уже не шла о всем боярстве в целом. Однако концепция С. Ф. Платонова тоже имела свои слабости. Сохранение в неприкосновенности некоторых княжат во время опричнины (например, Шуйских) дало основания С. Б. Веселовскому отвергнуть схему С. Ф. Платонова¹¹⁶. Критикуя С. Б. Веселовского, Д. Н. Альшиц подчеркнул несостоительность отрицания того факта, что опричнина боролась с княжатами¹¹⁷. Одновременно в литературе последних лет (труды Р. Ю. Виппера, И. И. Смирнова, С. В. Бахрушина, П. А. Садикова, «Очерки истории СССР») возродился в общей и неопределенной форме тезис об антибоярской направленности опричнины.

Нам кажется необходимым расчленить этот вопрос на два. С одной стороны, необходимо выяснить, какие задачи ставило правительство перед опричниной как перед средством укрепления самодержавия. С другой стороны, надо исследовать, привело ли осуществление опричнины к радикальным изменениям в составе господствующего класса. Отвечая на первый вопрос, следует прямо сказать, что субъективной

¹¹³ С. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году, стр. 90.

¹¹⁴ «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.».

¹¹⁵ АФЗиХ, ч. II, № 279.

¹¹⁶ С. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.

¹¹⁷ Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. «Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 3—6.

целью правительства было уничтожение последних уделов и искоренение уделно-княжеского сепаратизма.

В литературе, к сожалению, слабо изучена история уделных княжеств XVI в. Нередко исходят из довольно распространенного мнения о том, что в XVI в. уделы не играли никакой более или менее существенной роли в политической жизни страны и вообще имели не реальное, а чисто символическое значение. При этом совершенно забывается, что наличие уделов в XVI в. представляло собой не просто пережиток политических порядков эпохи феодальной раздробленности, но отражало еще очень глубокую неравномерность в развитии экономики страны. Ко времени опричнины уделы сохранились в основном в тех западных и юго-западных областях, которые, как мы выяснили выше, отличались от центра определенным своеобразием экономического положения. Именно недавние уделы и попали в опричнину (Старицкий, Перемышльский и др.). Таким образом, рассматривая опричнину с политической точки зрения, нужно отметить ее антиуделенную главным образом, а не антибоярскую вообще направленность. Это подтверждается тем, что казням и опалам подверглись в опричнине бояре, явно или тайно поддерживавшие уделнокняжеские заговоры, боярство же в целом отнюдь не было ликвидировано опричниной.

* * *

Распространенное в литературе определение опричнины как антибоярской реформы нуждается в пересмотре и уточнении. Строго говоря, опричнина была обращена своим острением против последних уделов, их она и уничтожила.

Удельные территории, а также чернососный север, являясь областями, закрепощенными слабее, чем центр и восточное замосковье, давали наилучшую возможность для наделения землей и крестьянами поместного дворянства без ликвидации старой прослойки класса феодалов — боярства. К тому же мнение о том, что в опричнину 1564—1572 гг. попали районы главным образом боярского землевладения¹¹⁸, нельзя признать правильным. Исследователь территориального и социального состава опричнины Г. Н. Бибиков приходит как раз к обратному выводу¹¹⁹.

В этом сочетании противоудельных и закрепостительных мотивов опричнины нашла свое отражение специфика экономического и политического положения России периода укрепления централизованного государства.

При изучении опричнины необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что многие территории, взятые в опричнину (Малый Ярославец, Перемышль и др.), находились вблизи западных рубежей. Нужно, следовательно, выяснить связь введения опричнины и ее территориального состава с обстановкой Ливонской войны.

В деле закрепощения крестьян опричнина явила прямым продолжением политики Избранной рады. Однако, решив уничтожить последние уделы и разгромить боярские группировки, связанные с уделными князьями, правительство существенно отступило от политического курса Избранной рады в отношении крупных духовных феодалов — монастырей. С 1563—1564 гг. монастыри стали получать гораздо более широкие, чем в 50-х годах XVI в., иммунитетные привилегии, особенно на земли в составе опричнины. Это изменило соотношение сил и в феодальном городе, где снова возрос политический вес монастырей.

Отмечая положительное значение опричнины для дела политической централизации страны, надо видеть ее отрицательные стороны: резкое усиление крепостного гнета, некоторое ослабление союза центральной власти с посадами.

¹¹⁸ См., напр., И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 92.

¹¹⁹ Г. Н. Бибиков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.